

- [Огюст Вилье де Лиль-Адан](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Огюст Вилье де Лиль-Адан

Убийца лебедей

Рассказ из книги «Трибюла Бономе»

Г-ну Жану Маррасу

Справившись по многотомной Истории природы, славный наш друг доктор Трибюла Бономе узнал, что «лебеди замечательно поют перед смертью». И в самом деле, как подтвердил он нам совсем недавно, только эта единственная в своем роде музыка, после того как он ее услышал, и помогает ему выносить тяготы жизни, а вся остальная по сравнению с нею кажется теперь просто кошачьим концертом, таким «Вагнером».

И как же он сумел доставить себе это редкое удовольствие? А вот как.

На окраине старинного укрепленного города, где он живет, в вековом заброшенном парке под сенью огромных деревьев ловкий наш старикан обнаружил старый волшебный пруд, по темной глади которого скользили не то двенадцать, не то пятнадцать этих величавых птиц; а обнаружив, он внимательно изучил берег, прикинул расстояние и особо отметил черного лебедя, часового стаи, который спал, разморенный солнечным теплом.

Ночами этот лебедь не смыкал своих больших глаз, держа в длинном розовом клюве гладкий камушек: при малейшей тревоге, угрожавшей безопасности его подопечных, он предостерегающе ронял его в воду как раз в центре окружавшего его белоснежного колодца из спящих лебедей; и по этому сигналу, опять-таки под его предводительством, стая взлетала и устремлялась глухими темными аллеями либо к лужайке, либо к фонтану, где в зеркале бассейна отражались серые статуи, либо в какое-нибудь другое, хорошо им известное убежище. Бономе молча разглядывал птиц издали и улыбался им. Разве не их последней песней собирался он, как истый любитель, усладить свой слух?

Так вот, иной раз в безлунную осеннюю ночь Бономе, измученный бессонницей, внезапно вскакивал после полуночи, почувствовав, что ему необходимо снова услышать этот концерт, и начинал особым образом одеваться. Худой и высокий доктор совал ноги в огромные резиновые подбитые железом сапоги, которые плавно, как бы сами собой, переходили в непромокаемый плащ, надлежащим образом утепленный мехом, и натягивал на руки латные рукавицы, счастливым обладателем которых ему

удалось стать, приобретя их — шутка сказать! — за целых тридцать восемь су у старьевщика. Потом он нахлобучивал широкополую шляпу, задувал свечу, спускался вниз и, положив в карман ключ, направлялся, мирно и деловито, в сторону заброшенного парка.

Вскоре он уже углублялся в темную аллею, ведущую к убежищу его любимых певцов — к пруду, чьи мелкие воды, измеренные им вдоль и поперек, едва доходили ему до пояса. Очутившись под сводами деревьев, росших уже на самом берегу, он замедлял шаг, стараясь не хрустнуть сухой веткой.

Добравшись до самого пруда, он медленно, очень медленно, без малейшего шума, осмеливался сделать шаг, потом другой и наконец входил в воду с самыми тщательными предосторожностями, едва дыша. Эдакий, представьте себе, меломан, в предвкушении долгожданной каватины! В общем, на то, чтобы преодолеть расстояние в двадцать шагов, отделявшее его от любимых певцов, у него уходило два, два с половиной часа — так он боялся привлечь к себе внимание бдительного черного часового.

Ветерок, веявший под беззвездным небом, плавно колыхал высокий кустарник среди тьмы, окружавшей пруд, но Бономе, не обращая внимания на его таинственный шорох, упрямо двигался вперед и часам к трем утра уже стоял невидимый в полушаге от черного лебедя, а тот даже не подозревал о его присутствии.

И вот тут-то наш славный доктор, улыбаясь в темноте, начинал тихотихо, едва касаясь поверхности, водить по воде, перед самым часовым пальцем, закованным в средневековые доспехи. И делал он это так тихо, что тот, хотя и прислушивался, все-таки не мог оценить этот тревожный сигнал как нечто такое, ради чего следует уронить камень. Он слушал. По мере того как шло время, он инстинктивно проникался чувством какой-то странной опасности, его сердце, его бедное бесхитростное сердце начинало испуганно биться, и это наполняло ликованием душу Бономе.

Но вот наконец и прекрасные лебеди, разбуженные шумом, начинали, плавно изгибая шеи, вытаскивать головы из-под своих бледных серебряных крыльев и при виде падающей на них тени Бономе тоже проникались смутной тревогой, словно догадываясь о смертельной опасности, которая им грозила. Но в бесконечной своей деликатности они страдали молча, как и часовая, — они не могли пуститься в бегство, поскольку *камень не был брошен!* И сердца всех этих белых узников начинали колотиться в глухой тоске — внятно и ясно различимо для жадного слуха славного доктора, который, прекрасно зная, что значит для них уже само его присутствие, упивался, словно сладостным зудом, тем ужасом, который вызывала у птиц

его неподвижность.

— Какая это радость — воодушевлять артистов! — шептал он.

Примерно три четверти часа длился этот экстаз, за который он отдал бы все царства мира. Наконец луч утренней звезды, пробившийся сквозь ветви деревьев, внезапно освещал фигуру Бономе, черную воду и лебедей с зачарованным взглядом. Обезумевший от ужаса часовой ронял камень... Слишком поздно! С хриплым воплем, который внезапно сменял сладкую улыбку, Бономе бросался наперерез священным птицам. Хватка железных пальцев современного рыцаря была беспощадной: три-четыре белоснежные шеи успевали согнуться или сломаться, прежде чем остальные певцы радужным видением взмывали в воздух.

И вот тут-то душа умирающих лебедей, забывших о докторе, изливалась в песне бессмертной надежды, избавления и любви, возносясь к загадочным небесам.

Трезво мыслящий доктор ухмылялся при виде такой сентиментальности, в которой он как истый любитель ценил только одно — ТЕМБР! Как музыкант, он смаковал лишь несравненную сладость *тембра* этих символических голосов, которые выпевали Смерть как мелодию.

Закрыв глаза, он некоторое время упивался этой гармонической звуковой вибрацией, потом, шатаясь, словно охваченный спазмами, выбирался на берег, растягивался на спине среди травы и так лежал в своих теплых непромокаемых одеждах. Забывшись в чувственной дремоте, современный Меценат снова и снова смаковал воспоминание о восхитительном пении замечательных артистов, пусть даже грешившем, по его мнению, некоторой старомодной возвышенностью.

И вот так, весь во власти некоего болезненного экстаза, он до самого восхода солнца мирно и деловито анализировал свои утонченные переживания.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)